

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СУДА
ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

от 05 июля 2019 года

Президиум Верховного суда Приднестровской Молдавской Республики, обсудив Обзор судебной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Приднестровской Молдавской Республики № 2 (2019), руководствуясь частями 3, 4 статьи 4 и подпунктом «в» части 2 статьи 16 Конституционного Закона Приднестровской Молдавской Республики «О Верховном суде Приднестровской Молдавской Республики»,

постановляет:

1. Утвердить Обзор судебной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Приднестровской Молдавской Республики № 2 (2019), согласно приложению.
2. Направить Обзор в суды общей юрисдикции Приднестровской Молдавской Республики в качестве рекомендаций в практической деятельности.

Председательствующий Президиума

В.С. Рымарь

Приложение к Постановлению
Президиума Верховного суда
Приднестровской Молдавской Республики
от 05 июля 2019 года

**Обзор судебной практики Судебной коллегии по гражданским делам
Верховного суда Приднестровской Молдавской Республики**

№ 2 (2019)

По гражданским делам

1. Разрешая исковые требования о взыскании компенсации морального вреда, основанные на положениях пункта 1 статьи 1105 ГК ПМР, суд необоснованно применил Положение о порядке возмещения (компенсации) вреда за счет средств государственной казны, утвержденное Постановлением Правительства ПМР № 114 от 16 апреля 2014 года.

При определении размера денежной компенсации морального вреда, суд первой инстанции недостаточно полно учел характер причиненных лицу нравственных и физических страданий, связанных с незаконным уголовным преследованием, его индивидуальные особенности и профессиональные заслуги.

Так, признание лица реабилитированным, в силу статьи 51-4 УПК ПМР и пункта 1 статьи 1105 ГК ПМР, дает право на возмещение вреда в полном объеме и независимо от вины органа, должностного лица.

Вред, причиненный гражданину (реабилитированному) в результате незаконного: а) уголовного преследования: незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконного применения в качестве меры пресечения подписки о невыезде; б) административного преследования: незаконного наложения административного взыскания в виде ареста, незаконного наложения административного взыскания в виде исправительных работ, - возмещается за счет казны государства в полном объеме, независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Вред подлежит возмещению за счет казны ПМР или казны муниципального образования, от имени которых выступают соответствующие финансовые органы, привлекаемые к участию в деле в качестве ответчика (статья 1105-1 ГК ПМР).

Б.Л.К. обратилась в суд с иском к Министерству финансов ПМР о возмещении морального вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием. Просила суд обязать Министерство финансов ПМР возместить ей моральный вред в соответствии с правом на реабилитацию в размере 200 000 рублей.

Определением суда от <дата> к участию в деле в качестве соответчиков были привлечены Следственный комитет ПМР и Судебный департамент при Верховном суде ПМР.

Постанавливая решение по спору и возлагая на Министерство финансов ПМР обязанность выплатить истцу за счет казны ПМР компенсацию причиненного морального вреда в сумме 12 000 рублей, суд первой инстанции применил пункты 2, 4 Положения о порядке возмещения (компенсации) вреда за счет средств государственной казны, утвержденного Постановлением Правительства ПМР № 114 от 16 апреля 2014 года.

Отменяя решение суда первой инстанции и постановлявая новое решение, суд кассационной инстанции указал следующее.

В силу пункта 1 статьи 1105 ГК ПМР вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, возмещается за счет казны государства, а в случаях, предусмотренных законом, - за счет казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, в порядке, установленном законом.

Согласно правилу, установленному в статье 1105-1 ГК ПМР, в случаях, когда в соответствии с настоящим Кодексом или другими законами причиненный вред подлежит возмещению за счет казны ПМР или казны муниципального образования, от их имени выступают соответствующие финансовые органы, если в соответствии с пунктом 3 статьи 136 настоящего Кодекса эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина.

В соответствии с пунктом 3 статьи 136 ГК ПМР в случаях и в порядке, предусмотренных законами, указами Президента ПМР и постановлениями Правительства ПМР, нормативными актами органов местного самоуправления муниципальных образований, по их специальному поручению от их имени могут выступать иные государственные органы, органы местного самоуправления, а также юридические лица и граждане.

Постановлением Правительства ПМР № 114 от 16 апреля 2014 года было утверждено Положение о порядке возмещения (компенсации) вреда за счет средств государственной казны, которым регламентированы вопросы возмещения (компенсации) за счет средств государственной казны (республиканского бюджета) убытков и морального вреда, причиненных гражданину государственными органами, государственными служащими и (или) работниками органов государственной власти и управления ПМР, в случаях, установленных законодательством ПМР, то есть по основаниям, предусмотренным статьей 1104 ГК ПМР и пунктом 2 статьи 1105 ГК ПМР.

Принимая во внимание, что Б.Л.К. свои исковые требования основывает на пункте 1 статьи 1105 ГК ПМР, Положение о порядке возмещения (компенсации) вреда за счет средств государственной казны, утвержденное Постановлением Правительства ПМР № 114 от 16 апреля 2014 года, при разрешении настоящего спора применению не подлежит.

Кроме того, суд кассационной инстанции указал, что определяя размер денежной компенсации морального вреда, суд первой инстанции недостаточно полно учел характер причиненных Б.Л.К. нравственных и физических страданий, связанных с незаконным уголовным преследованием, её индивидуальные особенности и профессиональные заслуги.

Вывод суда первой инстанции о компенсации Б.Л.К. причиненного морального вреда в размере 12 000 рублей не соответствует принципам разумности и справедливости, поскольку указанный размер возмещения недостаточен для восстановления нарушенных прав истца в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения подписки о невыезде и незаконного осуждения.

Положениями статьи 1135 ГК ПМР предусмотрено, что компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме. Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Из материалов дела следует, что <дата> следователем УСК г. Тирасполь Х.М.В. в отношении Б.Л.К. было возбуждено уголовное дело <номер> по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 288 УК ПМР, по факту внесения в листок о нетрудоспособности заведомо ложных сведений.

<дата> старшим следователем по ОВД Управления ГСУ СК ПМР в отношении Б.Л.К. применена мера пресечения в виде подписки о невыезде, <дата> вынесено постановление о временном отстранении её от должности заведующей поликлиникой <номер>.

<дата> Б.Л.К. привлечена в качестве обвиняемой по статье 288 УК ПМР.

<дата> Б.Л.К. отстранена от занимаемой должности заведующей поликлиникой и временно переведена на должность участкового врача терапевта.

<дата> и <дата> старшим следователем по ОВД Управления ГСУ СК ПМР в отношении Б.Л.К. были возбуждены уголовные дела, по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 288 УК ПМР, по факту совершения служебного подлога путем внесения заведомо ложных сведений в листок о нетрудоспособности, а также по части 1 статьи 282 УК ПМР, по факту превышения должностных полномочий при выдаче медицинской справки.

<дата> Б.Л.К. предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 282, статьей 288 УК ПМР.

Приговором Тираспольского городского суда от <дата> Б.Л.К. по части 1 статьи 282, статье 288 УК ПМР по эпизоду оформления листка о нетрудоспособности оправдана за отсутствием в её действиях состава преступления. Она же признана виновной в совершении преступления, предусмотренного статьей 288 УК ПМР, по эпизоду оформления медицинской справки, ей назначено наказание в виде штрафа в доход государства в размере 350 РУ МЗП, что составляет 6 440 рублей ПМР. На основании пункта а) части 1 статьи 77 УК ПМР от назначенного наказания Б.Л.К. освобождена в связи с истечением сроков привлечения к ответственности. Также Б.Л.К. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 282 УК ПМР, по эпизоду оформления медицинской справки, ей назначено наказание в виде штрафа в доход государства в размере 350 РУ МЗП, что составляет 6 440 рублей ПМР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ПМР от <дата> приговор Тираспольского городского суда в части оправдания Б.Л.К. по части 1 статьи 282, статье 288 УК ПМР оставлен без изменения. Тот же приговор в части осуждения Б.Л.К. по части 1 статьи 282, статье 288 УК ПМР по эпизоду оформления медицинской справки, отменен, производство по делу прекращено за отсутствием состава преступления. За ней признано право на реабилитацию. В остальном данный приговор оставлен без изменения.

Как видно из дела, в обоснование своих требований Б.Л.К. указывает, что в результате незаконного возбуждения в отношении неё уголовного дела и обвинения, избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде были опорочены её честь и достоинство, был причинен моральный вред, выразившийся в нравственных и физических страданиях. На протяжении всего разбирательства по делу, как на следствии, так и в суде, она испытывала сильный эмоциональный шок, нервный стресс, страх и чувство стыда

перед сотрудниками, членами семьи, поскольку в отношении неё необоснованно было возбуждено уголовное дело, её могли признать виновной, были распространены порочащие сведения о её преступной деятельности, что умаляло её честь, достоинство и доброе имя. Данные душевные переживания вызывали у неё бессонницу, постоянные головные боли, головокружение и общее ухудшение здоровья. В связи с уголовным преследованием была затронута её деловая репутация. Расследование по делу и судебные заседания длились полтора года. На протяжении указанного времени Б.Л.К. вызывалась к следователю для проведения допросов, состоялось множество судебных заседаний. В связи с тем, что в отношении неё была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, она была ограничена в передвижении, не могла выехать за пределы ПМР.

Б.Л.К. характеризуется исключительно положительно, с <дата> являлась заведующей поликлиникой <номер>. За добросовестное отношение к своей работе, за заслуги в деле оказания медицинской помощи населению ей присвоено Почетное звание «Отличник здравоохранения», Почетное звание «Заслуженный врач ПМР», была награждена медалью «За отличие в труде». Также ей присвоена Высшая квалификационная категория по специальности «Терапия», которую она регулярно подтверждает, однако, в результате незаконного уголовного преследования была переведена на должность врача.

Проанализировав в совокупности все представленные доказательства, исходя из конкретных обстоятельств дела, с учетом требований разумности и справедливости, суд кассационной инстанции посчитал возможным удовлетворить заявленные Б.Л.К. иски частично, обязав Министерство финансов ПМР выплатить истцу за счёт казны ПМР компенсацию морального вреда в размере 50 000 рублей.

Зк-170/2019

2. По спорам о взыскании налоговых платежей и недоимок гражданско-правовая ответственность налогоплательщика наступает в случае, если налоговый орган располагает неопровержимыми доказательствами виновности налогоплательщика в совершении налогового правонарушения.

Обязанность по уплате налога возникает при наличии у налогоплательщика объекта налогообложения. При этом, с момента вступления в законную силу судебного акта о конфискации имущества у лица, утратившего право собственности на него, прекращаются обязанности по уплате налога на данное имущество.

Вступивший в законную силу судебный акт о конфискации имущества, является основанием для принудительного безвозмездного прекращения права собственности на это имущество. Следовательно, последующее фактическое исполнение такого судебного акта путем изъятия конфискованного имущества из владения лица, утратившего право собственности на него, не влияет на момент прекращения вещного права, который связан с вступлением в законную силу соответствующего решения суда.

НИ по г. Бендеры обратилась в суд с иском к Б.В.В. о взыскании недоимки по налогу на имущество физических лиц по основаниям, что ответчик является собственником катера «марки». Ему был начислен налог на имущество физических лиц в сумме 27 759,07 рублей (основной платёж – 24 097,50 рублей, пеня – 3 661,57 рублей). Ссылаясь на то, что оплата налога не была произведена, НИ по г. Бендеры просила суд взыскать с Б.В.В. указанную недоимку по налогу.

В процессе рассмотрения дела судом представителем НИ по г. Бендеры было заявлено об увеличении размера исковых требований на 806,55 рублей.

Б.В.В. обратился со встречным иском к НИ по г. Бендеры, Государственной инспекции речного транспорта УАСС ГУПЧС МВД ПМР, ОАО «наименование» о признании права собственности отсутствующим, признании регистрации недействительной, указав, что катер «марки» действительно зарегистрирован за ним с 2008 года. Между тем, данное имущество выбыло из владения Б.В.В. в июне 2012 года в связи с тем, что в ходе следствия в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении Б.В.В., следователем был наложен арест на катер в целях обеспечения гражданского иска и возможной конфискации имущества, само судно было вывезено с территории ЗАО «наименование», где оно находилось на хранении. Ссылаясь на то, что приговором Тираспольского городского суда от 19.11.2013 года, вступившим в силу 04.02.2014 года, Б.В.В. осужден к лишению свободы с конфискацией имущества, следовательно, прекращено его право собственности на катер, просил суд признать отсутствующим право собственности Б.В.В. на катер «марки» с момента вступления в силу приговора Тираспольского городского суда от 19.11.2013 года, то есть с 04.02.2014 года; признать недействительной регистрацию права собственности Б.В.В. на указанный катер с 04.02.2014 года.

В ходе рассмотрения дела судом первой инстанции установлено, что катер «марки» зарегистрирован за Б.В.В. с 2008 года.

Согласно расчету суммы задолженности Б.В.В. по налогу на имущество физических лиц, по состоянию на 16.03.2018 год, сумма налога составила 24 097,50 рублей, пеня 3 661,57 рублей, общая задолженности – 27 759,07 рублей.

Ввиду неоплаты указанной суммы задолженности, в адрес Б.В.В. НИ по г. Бендеры было направлено требование об уплате задолженности по налогу и пени в сумме 27 759,07 рублей.

Удовлетворяя частично исковые требования и взыскивая с Б.В.В. недоимку по налогу на имущество физических лиц за период с 30.10.2014 года по 30.10.2017 года, а также отказывая в удовлетворении встречных исковых требований Б.В.В. о признании права собственности на катер отсутствующим, суд первой инстанции полагал установленным то обстоятельство, что Б.В.В. являлся налогоплательщиком в указанный период, поскольку имел в собственности имущество, признаваемое объектом налогообложения – катер «марки», в связи с чем, суд пришел к выводу, что НИ по г. Бендеры Б.В.В. был правомерно начислен налог за вышеуказанный период. Ввиду неуплаты Б.В.В. суммы задолженности в срок в добровольном порядке, указанная сумма задолженности подлежит взысканию с последнего.

Судебная коллегия, отменяя решение суда и постановляя новое, указала следующее.

В соответствии со статьей 1-2 Закона ПМР «Об основах налоговой системы в Приднестровской Молдавской Республике» каждый обязан платить налоги, установленные законом. Налоговое законодательство Приднестровской Молдавской Республики основывается на признании всеобщности и равенства налогообложения. Налоги не могут иметь дискриминационный характер и различно применяться исходя из социальных, расовых, национальных, религиозных и иных подобных критериев. Налоги должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными. Недопустимы налоги, препятствующие реализации гражданами своих конституционных прав.

Ни на кого не может быть возложена обязанность уплачивать налоги, а также иные взносы и платежи, обладающие признаками налогов, не предусмотренные законами либо установленные в ином порядке, чем это определено законами.

При установлении налогов должны быть определены все элементы налогообложения. Акты законодательства о налогах должны быть сформулированы таким

образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги, когда и в каком порядке он должен платить.

Все неустранимые противоречия актов налогового законодательства Приднестровской Молдавской Республики решаются в пользу налогоплательщика в судебном порядке.

Таким образом, презумпция невиновности налогоплательщика, устанавливаемая данной правовой нормой, является исходным предположением, в соответствии с которым налогоплательщик считается невиновным в совершении того или иного налогового правонарушения, пока налоговым органом не будет доказано обратное. Предполагается, что все действия налогоплательщика законны, а сведения, содержащиеся в первичных документах и налоговой отчетности налогоплательщика, достоверны и правильны. И даже в случае обнаружения налоговым органом каких-либо ошибок, несоответствий, противоречий и т.д., изначально предполагается, что такая «ошибочность» допущена налогоплательщиком без вины. Обязанность по доказыванию вины налогоплательщика возлагается на налоговый орган. Налогоплательщик может быть привлечен к налоговой ответственности, в том числе гражданско-правового характера, только в том случае, если налоговый орган располагает неопровержимыми доказательствами, однозначно свидетельствующими о виновности налогоплательщика в совершении налогового правонарушения. Налогоплательщик не обязан доказывать законность своих действий.

В силу подпункта б) пункта 1 и пункта 3 статьи 2 Закона ПМР «О налоге на имущество физических лиц» объектами налогообложения признаются транспортные средства: вертолеты, самолеты, теплоходы, яхты и другие парусно-моторные суда, катера, гидроциклы, моторные лодки и другие водные транспортные средства, несамоходные (буксируемые) суда, для которых определяется валовая вместимость (с каждой регистровой тонны валовой вместимости), мотосани, снегоходы, другие водные и воздушные транспортные средства (за исключением весельных лодок), не имеющие двигателей (с единицы транспортного средства) (далее - объекты транспортных средств). Налог на имущество физических лиц по объектам транспортных средств уплачивается ежегодно исходя из налогооблагаемой базы по ставкам согласно Приложению к настоящему Закону.

Пунктом 1 статьи 9 Закона ПМР «Об основах налоговой системы в Приднестровской Молдавской Республике» определено, что обязанности налогоплательщика возникают у юридических и физических лиц при наличии у них объекта налогообложения и по основаниям, установленным законодательными актами.

Как усматривается из материалов дела, 05.06.2012 года старшим оперуполномоченным УБЭПиК МВД ПМР был составлен протокол наложения ареста на имущество – маломерное судно «марки».

19.11.2013 года приговором Тираспольского городского суда Б.В.В. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных пунктом б) части 4 статьи 155, частью 2 статьи 199, частью 3 статьи 324 УК ПМР, и осужден к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Кроме того, судом в счет возмещения материального ущерба с Б.В.В. в пользу ОАО «наименование» была взыскана сумма 86169712,33 рублей. Данный приговор вступил в силу 04.02.2014 года.

Постановлением судебного исполнителя от 13.03.2014 года на катер «марки» на основании исполнительного листа, выданного Тираспольским городским судом, был наложен арест.

Постановлением судебного исполнителя от 19.09.2017 года арест с катера был снят, поскольку ОАО «наименование» изъявило желание оставить нереализованное имущество – катер за собой. Постановлением судебного исполнителя от 19.09.2017 года катер был передан ОАО «наименование», о чем был составлен акт приема-передачи.

В соответствии с подпунктом е) пункта 2 статьи 252 и статьей 260 ГК ПМР одним из оснований прекращения права собственности является конфискация имущества в тех

случаях, когда законом предусмотрена возможность безвозмездного изъятия имущества у его собственника по решению суда или в административном порядке.

По смыслу названных норм права, вступивший в законную силу судебный акт о конфискации имущества, является основанием для принудительного безвозмездного прекращения права собственности на это имущество. При этом последующее фактическое исполнение такого судебного акта путем изъятия конфискованного имущества из владения лица, утратившего право собственности на него, не влияет на момент прекращения вещного права, который в рассматриваемой ситуации связан именно с вступлением в законную силу соответствующего решения суда.

Поскольку конфискация есть безвозмездное изъятие имущества с обращением его в доход государства, приговор Тираспольского городского суда от 19.11.2013 года явился не только основанием прекращения права собственности Б.В.В. на объект налогообложения - катер, но и одновременно основанием возникновения права собственности на это имущество у государства. Следовательно, так как приговор с конфискацией имущества вступил в силу 04.02.2014 года, то именно с указанной даты у Б.В.В. отсутствовало право собственности на катер «марки».

С учетом вышеприведенного, судебная коллегия посчитала установленным то обстоятельство, что имущество, являющееся объектом налогообложения, выбыло из собственности Б.В.В. ввиду вступления в силу приговора суда, следовательно, встречные требования о признании права отсутствующим с даты вступления в силу приговора Тираспольского городского суда подлежат удовлетворению.

Принимая во внимание, что обязанности налогоплательщика в силу пункта 1 статьи 9 Закона ПМР «Об основах налоговой системы в Приднестровской Молдавской Республике» возникают у физических лиц при наличии у них объекта налогообложения, а выбытие объекта налогообложения из собственности Б.В.В. 04.02.2014 года установлено, не зависело от воли налогоплательщика, судебная коллегия пришла к выводу об отсутствии оснований для возникновения обязанности у налогоплательщика Б.В.В. по уплате налога на имущество за период, начинающий течь с 04.02.2014 года.

При этом сам по себе факт отсутствия в Государственной инспекции речного транспорта УАСС ГУПЧС МВД ПМР сведений о снятии катера «марки» с учета после вступления в силу приговора суда, не является достаточным доказательством существования у Б.В.В. обязанности по оплате налога на имущество физических лиц за период, начинающий течь с 04.02.2014 года.

Судебная коллегия посчитала, что не подлежат удовлетворению и требования НИ по г. Бендеры о взыскании недоимки по налогу на имущество физических лиц и за период до 30.10.2014 года, поскольку в силу пункта 3 статьи 6 Закона ПМР «О налоге на имущество физических лиц» уплата невнесенных налогоплательщиком сумм налога на имущество физических лиц, либо пересмотр неправильно произведенного налогообложения допускается не более чем за три года с момента выявления нарушения.

Судебная коллегия также пришла к выводу, что не могут быть удовлетворены как не основанные на требованиях закона и Правил государственной регистрации судов речного транспорта, утвержденных Приказом МВД ПМР № 220 от 27 мая 2010 года, встречные исковые требования Б.В.В. о признании недействительной регистрации права собственности Б.В.В. на катер «марки», 1999 года выпуска, с момента вступления в силу приговора Тираспольского городского суда от 19.11.2013 года, а именно с 04.02.2014 года.

Дело 3к-187/2019

3. При разрешении споров о разделе имущества супругов судам следует исходить из заявленных исковых требований, учитывать наличие (отсутствие) требований о признании имущества личной собственностью и его исключении из состава имущества, подлежащего разделу.

Положениями статьи 12 ГК ПМР, статьи 3 ГПК ПМР предусмотрены способы защиты гражданских прав, а также права заинтересованных лиц, полагающих свои права, свободы или законные интересы нарушенными, на их восстановление.

В силу пунктов 1, 3 статьи 20 КоБС ПМР, пунктов 1, 2 статьи 273 ГК ПМР имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

Согласно пунктам 1, 3-5 статьи 25 КоБС ПМР раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию одного из супругов. В случае спора раздел общего имущества супругов, а также определение долей супругов в этом имуществе производятся в судебном порядке. При разделе общего имущества супругов суд по требованию супругов определяет, какое имущество подлежит передаче каждому из супругов.

При этом юридически значимым обстоятельством при решении вопроса об отнесении имущества к общей собственности супругов является то, на какие средства (личные или общие) и по каким сделкам (возмездным или безвозмездным) приобреталось имущество одним из супругов во время брака. Имущество, приобретенное одним из супругов в браке по безвозмездным гражданско-правовым сделкам (например, в порядке наследования, дарения, приватизации), не является общим имуществом супругов. Приобретение имущества в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, также исключает такое имущество из режима общей совместной собственности.

В случае, если для приобретения имущества во время брака были использованы как общие доходы супругов, так и личные (добрачные) средства одного из них, суд при разрешении спора о разделе имущества супругов должен сначала определить размер доли в приобретенной вещи, которая соответствует сумме личного вклада одного из супругов, после чего разделить между супругами оставшуюся долю в праве собственности на спорную вещь.

Вещи, приобретенные исключительно для удовлетворения потребностей несовершеннолетних детей (одежда, обувь, школьные и спортивные принадлежности, музыкальные инструменты, детская библиотека и другие), разделу не подлежат и передаются без компенсации тому из супругов, с которым проживают дети.

К.А.П. обратился в суд с иском к К.Н.В. о разделе имущества, нажитого в период брака, признании права собственности на $\frac{1}{2}$ долю квартиры, указав, что состоял в браке с ответчиком с <дата> по <дата>. В период брака с ответчиком за счет совместных средств приобрели трехкомнатную квартиру по <адресу>. В связи с тем, что ответчик не желает добровольно произвести раздел имущества, нажитого во время брака, просил признать квартиру по <адресу> совместной собственностью супругов и признать за ним право собственности на $\frac{1}{2}$ часть указанного жилого помещения.

Постанавливая решение по спору, суд первой инстанции пришел к выводу о необходимости отказа в удовлетворении заявленных К.А.П. исковых требований.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд кассационной инстанции указал следующее.

Согласно пункту 1 статьи 212 ГПК ПМР решение суда должно быть законным и обоснованным.

В силу положений статьи 213, пункта 4 статьи 215 ГПК ПМР суд при разрешении спора обязан установить возникшие между сторонами правоотношения, определить правовые нормы, регулирующие данные отношения, и круг фактических обстоятельств, необходимых для их применения, установить данные обстоятельства на основе имеющихся в материалах дела доказательств и правильно применить к ним соответствующие нормы права.

Решение суда, принятое по настоящему делу, нельзя признать соответствующим названным выше требованиям.

Как усматривается из материалов дела, стороны состояли в браке с <дата> по <дата>.

В период брака на основании договора купли-продажи от <дата> была приобретена трехкомнатная квартира, расположенная по <адресу>. Право собственности на указанную квартиру зарегистрировано за К.Н.В.

В ходе судебного разбирательства по делу К.Н.В. утверждала, что квартира по <адресу> была приобретена ею на её личные средства и является её личной собственностью.

Отказывая в удовлетворении заявленных К.А.П. требований о разделе имущества, нажитого в период брака, суд пришел к выводу о том, что спорная квартира приобретена ответчиком на личные средства и не является совместно нажитым имуществом сторон.

Таким образом, суд при разрешении возникшего спора исходил из позиции ответчика К.Н.В., которая была изложена ею в отзыве на исковое заявление К.А.П., и фактически сводилась к требованию о признании спорной квартиры её личной собственностью, несмотря на то, что в установленном процессуальным законодательством порядке встречное исковое заявление не было оформлено и подано в суд.

Принимая во внимание, что указанные процессуальные нарушения являются существенными и непреодолимыми, Судебная коллегия посчитала необходимым отменить решение суда, с направлением дела на новое рассмотрение.

Зк-160/2019

К.К.В. обратился в суд с иском к К.А.Е. о признании квартиры по <адресу> личной собственностью и исключении квартиры из совместно нажитого имущества. В обоснование своих исковых требований указал, что состоял в браке с ответчицей. В период брака родителями истца 02.04.2014 года была приобретена трехкомнатная квартира по <адресу> по договору купли-продажи. Просил суд признать квартиру по <адресу> личной собственностью К.К.В., исключив данную квартиру из состава совместно нажитого имущества.

В ходе судебного разбирательства К.А.Е. обратилась со встречным иском к К.К.В. о признании имущества общей собственностью супругов и разделе совместно нажитого имущества. Указала в иске, что сторонами в период брака нажито совместно имущество: трехкомнатная квартира по <адресу>, автомобиль <марки>, а также мебель и бытовая техника, подлежащие разделу на основании статей 20-25 КоБС ПМР. Просила признать данное имущество приобретенным в браке, разделить в порядке, указанном во встречном исковом заявлении.

Определением суда к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, привлечена К.В.В.

Решением суда иск К.К.В. к К.А.Е. удовлетворен. Суд признал спорную квартиру по <адресу> личной собственностью К.К.В. и исключил её из совместно нажитого имущества с К.А.Е. Исковые требования К.А.Е. к К.К.В. удовлетворены частично. Суд произвел раздел имущества, являющегося общей собственностью супругов, а именно: телевизора, компьютера, стиральной машинки, шкафа, детской мебельной стенки,

спальни, газовой плиты, стенки мебельной, кондиционера, прихожей, встроенной кухни. В удовлетворении исковых требований К.А.Е. в части признании спорной квартиры по <адресу> общей собственностью супругов, признании права собственности на квартиру по ½ доли, разделе автомобиля <марки> отказано.

Суд кассационной инстанции отменил решение суда первой инстанции и направил дело на новое рассмотрение ввиду следующего.

Статьей 12 ГК ПМР предусмотрены способы защиты гражданских прав. Защита гражданских прав осуществляется путем: а) признания права; б) восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; в) признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки.

Вместе с тем, в силу требований статей 3, 70 ГПК ПМР право на обращение в суд принадлежит заинтересованным лицам, полагающим свои права, свободы или законные интересы нарушенными. Обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

Юридически значимым обстоятельством при решении вопроса об отнесении имущества к общей собственности супругов является то, на какие средства (личные или общие) и по каким сделкам (возмездным или безвозмездным) приобреталось имущество одним из супругов во время брака. Имущество, приобретенное одним из супругов в браке по безвозмездным гражданско-правовым сделкам (например, в порядке наследования, дарения, приватизации), не является общим имуществом супругов. Приобретение имущества в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, также исключает такое имущество из режима общей совместной собственности.

Как следует из материалов дела, позиция стороны истца по первоначальному иску о признании спорной квартиры личной собственностью была основана на тех обстоятельствах, что фактически сделка купли-продажи спорной квартиры носила притворный характер, поскольку в действительности был осуществлен обмен принадлежавшего его отцу - К.В.В. недвижимого имущества, принятого по наследству, состоявшего из: однокомнатной квартиры по <адресу 1>, а также жилого дома по <адресу 2> на спорную трехкомнатную квартиру по <адресу>, принадлежавшую на праве собственности Щ.О.А. При заключении данных сделок денежные средства не передавались, в подтверждение чему стороной истца были представлены доказательства, а также заявлено ходатайство о допросе в качестве свидетелей К.В.Я., Г.Н.Г., Щ.О.А.

Указывая на данные обстоятельства в иске, К.К.В. приложил копии договоров купли-продажи, из которых следовало, что сделка купли-продажи однокомнатной квартиры по <адресу 1> была совершена 02.04.2014 года продавцом – К.В.Я. и покупателем – Щ.О.А. (в лице представителя Г.Н.Г.), сделка купли-продажи жилого дома по <адресу 2> была совершена 04.06.2014 года продавцом – К.В.Я. и покупателем – Щ.О.А. (в лице представителя Г.Н.Г.).

Вместе с тем, К.К.В. (истец по первоначальному иску) не являлся стороной указанных сделок, данные сделки оспорены не были, самостоятельных требований на предмет спора, указывающих на наличие связи между данными сделками и сделкой купли-продажи спорной квартиры по <адресу> не заявлялось.

Данные обстоятельства не получили надлежащей оценки суда, в совокупности с заявленными требованиями и доказательствами, представленными в обоснование притворности заключенного 02.04.2014 года договора купли-продажи.

Относительно раздела автомобиля, суд кассационной инстанции указал следующее.

Из дела видно, что К.К.В. был приобретен автомобиль <марки> на основании договора купли-продажи от 26.12.2014 года, заключенного между ООО «наименование» и

К.К.В. Из условий договора следует, что цена приобретенного товара составляет 64 650 рублей, полная стоимость товара составляет 56 700 рублей.

29.03.2017 года истцом было произведено отчуждение спорного автомобиля <марки> своей матери – К.В.В. на основании договора купли-продажи, с указанием договорной цены – 40 000 рублей.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что данный автомобиль не подлежит разделу, поскольку он не приобретался за счет средств обоих супругов К.К.В. и К.А.Е.

При этом судом первой инстанции приняты во внимание те обстоятельства, что К.В.В. (мать К.К.В.) за покупку спорного автомобиля передала денежные средства свидетелю М.А.И., в подтверждение чего представлены расписка от 12.12.2014 года, согласно которой К.В.В. передала М.А.И. для приобретения спорного автомобиля 4 000 евро, а также акт приема-передачи транспортного средства от 24.12.2014 года, согласно которому К.В.В. получила от М.А.И. автомобиль <марки>.

Вместе с тем, судом первой инстанции не приняты во внимание и критически оценены договор купли-продажи спорного автомобиля от 26.12.2014 года и акт приема - передачи автомобиля между ООО <наименование> и К.К.В., показания директора ООО <наименование> К.А.Д. о приобретении спорного автомобиля у организации, приходный кассовый ордер <номер> от 17.02.2015 года на сумму 64 650 рублей.

Признавая спорный автомобиль не подлежащим разделу, суд первой инстанции также не учел, что исковых требований о признании данного автомобиля личной собственностью и его исключении из состава имущества, подлежащего разделу, ни одной из сторон и третьим лицом заявлено не было. Также не была оспорена и сделка купли-продажи, согласно условиям которой, спорный автомобиль был приобретен 26.12.2014 года К.К.В.

Решение суда отменено, дело направлено на новое рассмотрение.

3к-204/2019

4. Исчисление сроков исковой давности по спорам о разделе имущества супругов.

Течение трехлетнего срока исковой давности по спорам о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, брак которых расторгнут, следует исчислять не со времени прекращения брака (дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния при расторжении брака в органах записи актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде - дня вступления в законную силу решения), а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права на общее имущество.

Г.А.В. обратилась в суд к Г.В.А. и Р.О.В. с иском о разделе имущества, признании права на ½ долю в праве общей долевой собственности на недвижимое имущество, признании сделки недействительной по основаниям, что она состояла с Г.В.А. в браке с 27.09.1997 года по 02.12.2004 года, повторно с 15.10.2005 года. Решением Слободзейского районного суда от 06.09.2010 года брак расторгнут. Брачный договор не заключался, раздел имущества, нажитого ими в период брака, не производился, права на имущество, находящееся в общей собственности, в судебном либо нотариальном порядке бывшими супругами не устанавливались. В период брака, на основании договора купли-продажи от 11.03.2008 года на имя Г.В.А., на их совместные денежные средства, была приобретена двухкомнатная квартира по <адресу>. 18.08.2017 года она обращалась к ответчику с уведомлением о намерении переуступить свою долю в общем имуществе супругов их

дочери К., однако ответчик на письмо не ответил. 19.10.2017 года она узнала, что по договору дарения от 19.03.2014 года спорная квартира, без её согласия и какого-либо уведомления, передана Р.О.В., которая является нынешней супругой Г.В.А. Полагает, что ответчик нарушил её законные права на недвижимое имущество, приобретённое ими в период брака, так как не было получено нотариально удостоверенное согласие истца на отчуждение совместного имущества. Считает, что, исходя из принципа равенства долей супругов, ей принадлежит $\frac{1}{2}$ доля спорной квартиры. Просила определить доли в праве общей совместной собственности супругов на спорную квартиру её и Г.В.А. равными, по $\frac{1}{2}$ доле каждому; признать за ней право общей долевой собственности на $\frac{1}{2}$ долю квартиры, признать договор дарения от 19.03.2014 года квартиры по <адресу>, заключенный между Г.В.А. и Р.О.В., недействительным и применить последствия недействительности данной сделки.

В ходе судебного разбирательства ответчиками было заявлено о пропуске истцом срока исковой давности.

Отказывая в удовлетворении заявленных исковых требований, суд пришел к выводу, что началом течения срока исковой давности по требованиям об определении доли Г.А.В. и Г.В.А. в праве общей совместной собственности супругов на квартиру и признании за Г.А.В. права общей долевой собственности на $\frac{1}{2}$ долю квартиры, является 16.09.2010 года – дата расторжения брака между Г.В.А. и Г.А.В., срок исковой давности по указанным требованиям истек 16.09.2013 года. Учитывая, что исковое заявление поступило в суд с пропуском трехлетнего срока, заявления о восстановлении пропущенного срока исковой давности от истца не поступало, уважительных причин пропуска срока исковой давности суду не представлено, суд пришел к выводу об отказе в удовлетворении заявленных исковых требований ввиду истечения срока исковой давности.

Судебная коллегия не согласилась с выводами суда первой инстанции ввиду следующего.

Согласно статье 21 КоБС ПМР владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляется по обоюдному согласию супругов.

Каждый из супругов вправе заключать сделки по распоряжению общим имуществом супругов, при этом предполагается, что он действует с согласия другого супруга.

Сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом супругов, может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки.

Для совершения одним из супругов сделок по распоряжению недвижимостью и сделок, требующих нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга. Супруг, чье нотариально удостоверенное согласие на совершение указанной сделки не было получено, вправе требовать признания сделки недействительной в судебном порядке в течение одного года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки.

Исходя из смысла статьи 25 КоБС ПМР раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию одного из супругов, а также в случае заявления кредитором требования о разделе общего имущества супругов для обращения взыскания на долю одного из супругов в общем имуществе супругов.

В случае спора раздел общего имущества супругов, а также определение долей супругов в этом имуществе производятся в судебном порядке.

К требованию супругов о разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут, применяется трехлетний срок исковой давности.

В соответствии со статьей 9 КоБС ПМР на требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется, за исключением случаев, если срок для защиты нарушенного права установлен настоящим Кодексом. При применении норм, устанавливающих исковую давность, суд руководствуется правилами, предусмотренными соответствующими статьями ГК ПМР

В силу пункта 1 статьи 216 ГК ПМР течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Изъятия из этого правила устанавливаются настоящим Кодексом и иными законами.

При этом течение трехлетнего срока исковой давности для требований о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, брак которых расторгнут, следует исчислять со дня, когда супруг узнал или должен был узнать о нарушении своего права на общее имущество, а не со времени прекращения брака (дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния при расторжении брака в органах записи актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде - дня вступления в законную силу решения).

Следовательно, по данному делу суду, исходя из требований закона по определению предмета доказывания с учетом содержания статьи 21 КоБС ПМР, необходимо было определить: нарушено ли право супруга, обратившегося за судебной защитой на владение и пользование спорным совместно нажитым имуществом и когда истец узнал о нарушении своего права.

Из дела видно, что стороны состояли в браке с 15.10.2005 года. 11.03.2008 года на имя Г.В.А. приобретена спорная квартира. 16.09.2010 года брак между сторонами расторгнут.

После расторжения брака раздел имущества между сторонами не производился, спора о порядке пользования имуществом не было, в отношении спорной квартиры сохранялся режим совместной собственности бывших супругов.

19.10.2017 года Г.А.В. узнала, что по договору дарения от 19.03.2014 года спорная квартира, без её согласия и какого-либо уведомления, передана Р.О.В., которая является нынешней супругой Г.В.А.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции срок исковой давности по требованиям Г.А.В. исчислил не с того дня, когда она узнала или должна была узнать о нарушении своего права, а с 16.09.2010 года, с момента вступления в законную силу решения суда о расторжении брака между сторонами.

Между тем, принятое судом решение о расторжении брака не свидетельствует о нарушении прав Г.А.В. на имущество, заявленное ею к разделу по настоящему делу, в связи с чем, вывод суда первой инстанции о начале течения срока исковой давности по настоящему иску с момента вынесения в 2010 году судебного решения о расторжении брака сторон является ошибочным.

Решение суда отменено, дело направлено на новое рассмотрение.

3к-218/2019

5. При разрешении споров о возмещении вреда юридическим лицом или гражданином, причиненного его работником при исполнении им своих трудовых обязанностей (пункт 1 статьи 1103 ГК ПМР), подлежат установлению следующие юридически значимые обстоятельства.

Каким являлось правовое основание для выполнения гражданином работы: трудовой договор (контракт) или гражданско-правовой договор, действовал ли работник по заданию соответствующего юридического лица

или гражданина при исполнении им рабочих функций, осуществлялся ли контроль безопасности ведения работ.

Одним из обязательных условий ответственности работодателя является причинение вреда работником именно при исполнении им трудовых (служебных, должностных) обязанностей, поскольку вред причиняется не просто во время исполнения трудовых обязанностей, а в связи с их исполнением. К таким действиям относятся действия производственного (хозяйственного, технического) характера, совершение которых входит в круг трудовых обязанностей работника по трудовому договору или гражданско-правовому договору. Такие действия работника расцениваются как действия самого работодателя, который и отвечает за вред, что влечёт, при установлении вышеприведенных обстоятельств, обязанность соответствующих выплат.

Д.А.Н. обратилась в суд с иском к ООО <наименование> о возмещении вреда в связи со смертью кормильца, указав, что её супруг Д.Н.В. работал в ООО <наименование> плотником. <дата> произошел несчастный случай на производстве, в результате которого её супруг погиб. Указывая на то, что она является пенсионеркой и находилась на иждивении погибшего, а также на то, что в произошедшем несчастном случае виновно ООО <наименование>, Д.А.Н. просила суд: применить к отношениям между Д.Н.В., умершим <дата>, и ответчиком ООО <наименование> положения Трудового законодательства ПМР; взыскать с ответчика ООО <наименование> в её пользу возмещение вреда по случаю потери кормильца в размере 1 229 рублей 82 копеек ежемесячно, пожизненно, начиная с <дата>; взыскать с ответчика в её пользу единовременное пособие в связи со смертью работника Д.Н.В. в размере 10 годовых заработков, а именно 85 000 рублей и компенсацию морального вреда в размере 500 000 рублей.

В ходе судебного разбирательства к участию в деле в качестве третьих лиц были привлечены Ч.П.Д. и Ч.А.В.

Судом первой инстанции установлено, что на основании договора личного найма Д.Н.В. выполнял в ООО <наименование> плотницкие работы на объектах Общества.

<дата> с Д.Н.В. и О.А.Г. произошел несчастный случай со смертельным исходом по причине грубого нарушения директором ООО <наименование> - Ч.П.Д. ТК ПМР, закона ПМР «Об охране и безопасности труда», постановления Правительства ПМР от 20 декабря 2013 года № 310, СП ПМР 30-106-2015 «Правила создания, охраны и содержания зеленых насаждений в городах ПМР» и технического регламента по спилке деревьев МУП «РПКХБ», поскольку Ч.П.Д. решил самовольно спилить дерево, чем подверг опасности жизнь и здоровье рабочих ООО <наименование>.

Актом о несчастном случае от <дата> (Форма Н-1) в произошедшем несчастном случае со смертельным исходом установлена вина директора ООО <наименование> - Ч.П.Д. в размере 100%.

Кроме того, вступившим в законную силу приговором суда г. Рыбница и Рыбницкого района от <дата> Ч.П.Д. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 139 УК ПМР, по факту нарушения правил техники безопасности или иных правил охраны труда, совершенное лицом, на котором лежали обязанности по соблюдению этих правил, повлекшее по неосторожности смерть человека.

Этим же приговором Ч.А.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 108 УК ПМР, по факту причинения смерти по неосторожности, повлекшего смерть двух лиц.

Разрешая возникший спор, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что ООО <наименование> обязано выплачивать истице в счет возмещения вреда по случаю

потери кормильца Д.Н.В. 1 229 рублей 82 копейки ежемесячно, пожизненно, начиная с <дата>, выплатить единовременное пособие в связи со смертью работника Д.Н.В. в размере 85 000 рублей и компенсировать истце моральный вред в виде нравственных страданий в связи со смертью мужа, которая наступила в результате неправомерных действий работников ООО <наименование> Ч.П.Д. и Ч.А.В. При этом суд сослался на положения статьи 1103 ГК ПМР.

Судебная коллегия не согласилась с выводами суда первой инстанции ввиду следующего.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1103 ГК ПМР юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении им своих трудовых обязанностей.

Применительно к положениям настоящего Кодекса об обязательствах вследствие причинения вреда работниками признаются граждане, выполняющие работу на основании трудового договора (контракта), а также на основании гражданско-правового договора, если при этом они действовали или должны были действовать по заданию соответствующего юридического лица или гражданина и под его контролем за безопасным ведением работ.

Одним из обязательных условий ответственности работодателя является причинение вреда работником именно при исполнении им трудовых (служебных, должностных) обязанностей, то есть вред причиняется не просто во время исполнения трудовых обязанностей, а в связи с их исполнением. К таким действиям относятся действия производственного (хозяйственного, технического) характера, совершение которых входит в круг трудовых обязанностей работника по трудовому договору или гражданско-правовому договору. Именно поэтому действия работника расцениваются как действия самого работодателя, который и отвечает за вред.

Кроме того, согласно пункту 1 Правил возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей, утвержденных приказом Министерства здравоохранения и социальной защиты ПМР № 239 от 27 мая 2004 года, работодатель несет материальную ответственность за вред, причиненный здоровью работникам, выполняющим работу по трудовому договору, в том числе гражданам, работающим по гражданско-правовым договорам, студентам образовательных учреждений, проходящим практику в организациях, лицам, осужденным к лишению свободы и привлекаемым к труду администрацией организации и иным лицам, участвующим в производственной деятельности организации, трудовым увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением трудовых обязанностей в случаях, предусмотренных Трудовым кодексом ПМР.

Частью 2 пункта 2 указанных Правил предусмотрено, что если вред причинен здоровью работника не источником повышенной опасности, то работодатель освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине.

Для правильного разрешения спора суду следовало более тщательно проверить действовали ли работники ООО <наименование> Ч.П.Д. и Ч.А.В. при спиливании тополя по заданию ООО <наименование> и под его контролем за безопасным ведением работ, тщательно исследовать непосредственные трудовые или служебные обязанности этих работников и установить имеется ли в случившемся вина ООО <наименование>.

Указанные обстоятельства имеют существенное значение для дела, поскольку только при их установлении можно сделать обоснованный вывод о том, должно ли ООО <наименование> возмещать вред по случаю потери кормильца и нести ответственность за причиненный Д.А.Н. моральный вред.

Кроме того, удовлетворяя требования Д.А.Н. о взыскании единовременного пособия в связи со смертью работника Д.Н.В. в размере 85 000 рублей, суд не учел, что

согласно пунктам 1-3 Правил о выплате организациями единовременного пособия в связи с ограничением трудоспособности или смерти работника вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, утвержденных приказом Министерства здравоохранения и социальной защиты ПМР № 239 от 27 мая 2004 года, организации несут материальную ответственность за вред, причиненный работником в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания. Кроме возмещения вреда, осуществляемого в установленном законодательством порядке, организации несут обязательства по выплате единовременного пособия. Организации освобождаются от выплаты единовременного пособия, предусмотренного действующим законодательством, если докажут, что несчастный случай на производстве или профессиональное заболевание произошли не по их вине. Наличие вины организации в несчастном случае на производстве или профессиональное заболевание устанавливаются комиссией, проводившей расследование, либо специальное расследование с участием государственного инспектора по надзору за охраной труда, технического инспектора труда профсоюзов, после тщательного расследования несчастного случая на производстве с приложением неопровержимых документов, устанавливающих основные и сопутствующие причины несчастного случая.

Положения указанных пунктов Правил суд первой инстанции процитировал, однако в решении суда не содержится вывода о том, почему суд не принимает во внимание акт о несчастном случае от <дата> (Форма Н-1) и полагает необходимым взыскать единовременное пособие с ООО <наименование>.

Учитывая допущенные нарушения, решение суда было отменено, а дело направлено на новое рассмотрение.

Зк-177/2019

6. Различия в предмете доказывания по делам об установлении факта признания отцовства и установлении факта отцовства.

По делам об установлении факта признания отцовства необходимо доказать следующие обстоятельства: смерть лица, которое признавало себя отцом ребенка; отсутствие зарегистрированного брака между лицом и матерью ребенка; нахождение ребенка на иждивении умершего; признание умершим гражданином своего отцовства в отношении данного ребенка.

К доказательствам признания отцовства могут относиться письма ответчика, его анкеты, заявления, показания свидетелей и другие фактические данные, которые с достоверностью подтверждают признание ответчиком отцовства. Такое признание может быть выражено как в период беременности матери (например, желание иметь ребенка, забота о матери будущего ребенка и др.), так и после рождения ребенка.

Предметом доказывания по делам об установлении отцовства является: отсутствие зарегистрированного брака между родителями ребенка и отсутствие совместного заявления родителей или отца ребенка в орган записи актов гражданского состояния об установлении отцовства (пункт 1 статьи 48 КоБС ПМР); отсутствие зарегистрированного брака между родителями и отсутствие согласия органа опеки и попечительства на установление отцовства по заявлению отца ребенка в случае смерти матери, признания ее недееспособной, невозможности установления места нахождения матери или в случае лишения ее родительских прав (пункт 4 статьи 47 КоБС ПМР); происхождение ребенка от конкретного лица.

О происхождении ребенка от конкретного лица могут свидетельствовать как совокупность доказательств, так и отдельные из них: заключение экспертизы, проведенной методом «генетической дактилоскопии»; справка с места жительства истца и ответчика; свидетельство о рождении ребенка; совместное проживание без регистрации брака; квитанции о денежных переводах на содержание ребенка; документы о приобретении имущества; показания свидетелей; посещение предполагаемым отцом ребёнка образовательного учреждения, посещаемого несовершеннолетним ребёнком.

В случае удовлетворения требования об установлении отцовства либо об установлении факта признания отцовства или факта отцовства, об оспаривании записи об отце ребенка в записи акта о рождении ребенка в резолютивной части решения суда должны содержаться сведения, необходимые для регистрации установления отцовства в органе записи актов гражданского состояния и (или) внесения в запись акта гражданского состояния соответствующих изменений.

Б.Т.А. обратилась в суд с иском в интересах несовершеннолетних Б.Д.С. и Б.Е.С. к К.М.В., К.Р.В. об установлении факта признания отцовства, признании права на наследственное имущество, указывая, что с <дата> состояла в фактических брачных отношениях с К.В.М., с которым вместе проживали и вели совместное хозяйство. <дата> у них родился сын Б.Д.С., а <дата> родилась дочь Б.Е.С., однако, в свидетельстве о рождении детей в графе «отец» стоит прочерк. Брак с К.В.М. не был зарегистрирован. К.В.М. забирал детей из роддома и с момента рождения признавал их своими детьми, окружал их своей заботой и вниманием, помогал материально, дети называли его отцом. Старшие дети К.В.М., ответчики по делу, также признавали Б.Д.С. и Б.Е.С. как своих брата и сестру. <дата> К.В.М. умер, и она, в интересах своих детей, обратилась к нотариусу с заявлением о принятии наследства после смерти отца, однако, в совершении нотариальных действий ей было отказано, поскольку она не располагает документами, подтверждающими родственные отношения детей с К.В.М. Просила установить факт признания отцовства К.В.М. в отношении её несовершеннолетних детей: Б.Д.С. и Б.Е.С., а также признать за ними право на наследование имущества, оставшегося после смерти их отца К.В.М.

Решением суда первой инстанции исковые требования Б.Т.А., действующей в интересах несовершеннолетних Б.Д.С. и Б.Е.С., удовлетворены. Суд установил факт отцовства К.В.М., умершего <дата>, в отношении несовершеннолетних Б.Д.С. и Б.Е.С.; признал несовершеннолетних Б.Д.С. и Б.Е.С. наследниками К.В.М., умершего <дата>.

Отменяя решение суда первой инстанции и направляя дело на новое рассмотрение, суд кассационной инстанции указал следующее.

Согласно статье 46 КоБС ПМР взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке.

В силу статьи 48 КоБС ПМР в случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке между собой, и при отсутствии совместного заявления родителей или заявления отца ребенка (пункт 4 статьи 47 настоящего Кодекса) происхождение ребенка от конкретного лица (отцовство) устанавливается в судебном порядке по заявлению одного из родителей, опекуна (попечителя) ребенка или по заявлению лица, на иждивении которого находится ребенок, а также по заявлению самого ребенка по достижении им совершеннолетия. При этом суд принимает во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица.

В случае смерти лица, которое признавало себя отцом ребенка, но не состояло в браке с матерью ребенка, факт признания им отцовства может быть установлен в судебном порядке в соответствии с гражданско-процессуальным законодательством Приднестровской Молдавской Республики.

В соответствии с пунктом 1 и подпунктом г) пункта 2 статьи 301 ГПК ПМР суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан. Суд рассматривает дела об установлении факта признания отцовства.

В силу пункта 1 статьи 65 ГПК ПМР доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов.

Согласно пункту 1 статьи 213 ГПК ПМР при принятии решения суд оценивает доказательства, определяет какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

В силу пункта 4 статьи 215 ГПК ПМР в мотивировочной части решения суда должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд.

По смыслу приведенных выше норм права суд должен проанализировать представленные сторонами доказательства, дать им оценку, определить все фактические обстоятельства, имеющие значение для дела.

В соответствии с пунктом 5 Постановления Пленума Верховного суда ПМР от 01 июля 2016 года № 4 «О судебном решении» согласно пункту 3 статьи 213 ГПК ПМР суд принимает решение по заявленным истцом требованиям.

Выйти за пределы заявленных требований (разрешить требование, которое не заявлено, удовлетворить требование истца в большем размере, чем оно было заявлено) суд имеет право лишь в случаях, прямо предусмотренных законом.

Заявленные требования рассматриваются и разрешаются по основаниям, указанным истцом, а также по обстоятельствам, вынесенным судом на обсуждение в соответствии с пунктом 2 статьи 66 ГПК ПМР.

Разрешая заявленный спор по существу, суд первой инстанции ограничился исследованием заключения генотипоскопической экспертизы <номер> от <дата>, согласно которому Б.Д.С. и Б.Е.С. могут являться потомками (братом и сестрой) общей родительской пары – отца и матери, К.Р.В. и Б.Д.С. могут являться потомками одного мужчины и являться родственниками по мужской линии (в том числе, и братьями), и установил факт отцовства К.В.М., умершего <дата>, в отношении несовершеннолетних Б.Д.С. и Б.Е.С.

Соглашаясь с тем, что названное экспертное заключение является допустимым доказательством для установления происхождения детей, суд кассационной инстанции, тем не менее, признал неверными суждения суда о том, что в связи с установленными в заключении обстоятельствами суд вправе выйти за пределы заявленных истцом требований и установить не факт признания отцовства, требование об установлении которого было заявлено истцом, а факт отцовства К.В.М. в отношении Б.Д.С. и Б.Е.С. Сделав такой вывод, суд постановил решение, не исследуя и не устанавливая фактические обстоятельства дела, необходимые для разрешения спора по существу.

Между тем, предмет доказывания по делам об установлении факта отцовства и об установлении факта признания отцовства различен, обстоятельства, подлежащие установлению, также различны.

Учитывая, что истцом по настоящему делу были заявлены требования об установлении факта признания отцовства, а требований об установлении отцовства истцом не заявлялось, суду необходимо исследовать иные, представленные сторонами доказательства по делу, и, оценив их в совокупности с заключением генотипоскопической экспертизы, являющимся косвенным подтверждением отцовства, постановить по делу решение, отвечающее требованиям процессуального закона.

Кроме того, суд кассационной инстанции указал, что решение суда об установлении отцовства или об установлении факта признания отцовства, вступившее в законную силу, является основанием для государственной регистрации установления отцовства. Сведения об отце ребенка вносятся в запись акта об установлении отцовства в соответствии с данными, указанными в решении суда об установлении отцовства или об установлении факта признания отцовства.

С учетом вышеизложенного в случае удовлетворения требования об установлении отцовства либо об установлении факта признания отцовства или факта отцовства, в резолютивной части решения суда должны содержаться сведения, необходимые для регистрации установления отцовства в органе записи актов гражданского состояния и (или) внесения в запись акта гражданского состояния соответствующих изменений. Перечень сведений, подлежащих указанию в записи акта об установлении отцовства, содержится в статье 64 Закона ПМР «Об актах гражданского состояния».

Вместе с тем, резолютивная часть решения суда указанных сведений не содержит.

Решение суда отменено, дело направлено на новое рассмотрение.

Зк-200/2019

По делам об административных правонарушениях

7. Административная ответственность наступает лишь в случаях, предусмотренных Законом.

Главным государственным инспектором Государственной инспекции (управления) надзора в сфере строительства и жилищно-коммунального хозяйства в отношении М.О.Н. составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном пунктом 1 статьи 9.5 КоАП ПМР (в редакции Закона ПМР № 3-ЗИ-VI от 10 января 2019 года), по основаниям, что им по <адресу> самовольно, в нарушение установленного порядка, осуществлено строительство хозяйственных построек, проведена реконструкция в жилом доме – <литер>, чем М.О.Н. нарушил требования пункта 1 статьи 3 Закона ПМР № 159-3 от 12 мая 1999 года «Об архитектурной деятельности», пункта 3.2 СНиП ПМР 12-02-02 «Организация строительного производства», принятого и введенного в действие приказом Министерства промышленности ПМР № 341 от 22 апреля 2002 года.

Из материалов дела об административном правонарушении следует, что реконструкция жилого дома и строительство хозяйственных построек осуществлялись в период времени с 1988 по 2000 год.

Судья городского суда, придя к выводу о том, что фактически с момента совершения М.О.Н. административного правонарушения, предусмотренного пунктом 1 статьи 9.5 КоАП ПМР, истек срок давности привлечения к административной ответственности, прекратил производство по делу по подпункту ж) статьи 24.5 КоАП ПМР.

Отменяя постановление судьи городского суда, судья Верховного суда ПМР указал следующее.

Законность применения мер административного принуждения является одним из принципов законодательства об административных правонарушениях.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1.7 КоАП ПМР лицо, привлекаемое к административной ответственности, не может быть подвергнуто административному наказанию и мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом.

Как установлено пунктом 1 статьи 2.1 КоАП ПМР, административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом установлена административная ответственность.

В силу пунктов 1, 2 статьи 1.8 КоАП ПМР лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время и по месту совершения административного правонарушения. Закон, устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Таким образом, привлечение лица к административной ответственности за совершение деяния, которое в момент его совершения не признавалось административным правонарушением и не влекло наступление административной ответственности, недопустимо.

Пункт 1 статьи 9.5 КоАП ПМР в редакции Закона ПМР № 10-3-V от 21 января 2014 года предусматривал административную ответственность за строительство, реконструкцию без разрешения зданий и сооружений производственного и непроизводственного назначения, в том числе жилых зданий, их части, включая пристройки, надстройки, хозпостройки, а также объектов индивидуального строительства.

Законом ПМР № 3-ЗИ-VI от 10 января 2019 года, вступившим в силу 26 января 2019 года, пункт 1 статьи 9.5 КоАП ПМР изложен в новой редакции, которой установлена административная ответственность за неполучение соответствующего разрешения на строительство, реконструкцию зданий и сооружений производственного и непроизводственного назначения, в том числе жилых зданий, их частей, включая пристройки, надстройки, хозпостройки, а также объектов индивидуального строительства, когда такое разрешение требуется в соответствии с действующим законодательством Приднестровской Молдавской Республики.

При этом, в силу части 9 статьи 2 Закона ПМР «Об архитектурной деятельности» разрешение на строительство - основание для реализации архитектурного проекта, выдаваемое заказчику (застройщику) органами государственной власти или органами местного самоуправления в целях контроля за выполнением градостроительных нормативов, требований утверждённой градостроительной документации, а также в целях предотвращения причинения вреда окружающей природной среде.

Согласно пункту 13 Положения о порядке принятия решений (разрешений) главами государственных администраций городов и районов при создании, реконструкции и перепланировке архитектурного объекта, утвержденного Постановлением Правительства ПМР № 160 от 25 июня 2015 года, до начала выполнения строительно-монтажных работ, независимо от источников финансирования и форм собственности, заказчик обязан получить разрешение на выполнение строительно-монтажных работ.

Невыполнение предусмотренной правовыми актами обязанности к установленному сроку свидетельствует о том, что административное правонарушение не является длящимся.

Срок давности привлечения к административной ответственности за правонарушение, в отношении которого предусмотрена правовым актом обязанность не была выполнена к определенному сроку, начинает течь с момента наступления указанного срока.

Таким образом, моментом начала и окончания совершения административного правонарушения, выразившегося в неполучении соответствующего разрешения на строительство, реконструкцию зданий и сооружений, следует считать день начала строительства, реконструкции.

Из материалов дела следует, что обстоятельства, послужившие основанием для составления протокола об административном правонарушении в отношении М.О.Н., имели место в период с 1988 по 2000 год, то есть до изложения в новой редакции пункта 1 статьи 9.5 КоАП ПМР.

Таким образом, поскольку реконструкция жилого дома и строительство хозяйственных построек осуществлялись в период времени с 1988 по 2000 года, а также учитывая, что законодателем не была придана обратная сила закону ПМР № 3-ЗИ-VI от 10 января 2019 года, совершенное М.О.Н. деяние не может быть квалифицировано по пункту 1 статьи 9.5 КоАП ПМР. Следовательно, событие административного правонарушения, предусмотренного пунктом 1 статьи 9.5 КоАП ПМР, отсутствует.

Постановление судьи отменено, производство по делу прекращено на основании подпункта а) статьи 24.5 КоАП ПМР в связи с отсутствием события административного правонарушения.

3а-25/2019

Главным специалистом Государственной инспекции (управления) надзора в сфере строительства и жилищно-коммунального хозяйства в отношении Б.С.В. составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном пунктом 1 статьи 9.5 КоАП ПМР (в редакции Закона ПМР № 3-ЗИ-VI от 10 января 2019 года), по основаниям, что им по <адресу> без разрешения возведена пристройка <литер>, пристройка <литер>, навес <литер>. Строительство данных строений осуществлялось в 2007 году.

Рассматривая материалы дела об административном правонарушении, судья городского суда квалифицировал деяния Б.С.В. по пункту 1 статьи 9.5 КоАП ПМР в редакции Закона ПМР № 10-3-V от 21 января 2014 года, и, ссылаясь на то, что срок давности привлечения к административной ответственности истек, прекратил производство по делу по подпункту ж) статьи 24.5 КоАП ПМР.

С таким выводом судьи городского суда судья Верховного суда ПМР не согласился, указав, что на момент составления протокола и рассмотрения судьей материалов дела об административном правонарушении, пункт 1 статьи 9.5 КоАП ПМР действовал в новой – в редакции Закона ПМР № 3-ЗИ-VI от 10 января 2019 года.

Кроме того, судья Верховного суда сослался на то, что совершенное Б.С.В. деяние не может быть квалифицировано и по пункту 1 статьи 9.5 КоАП ПМР в редакции Закона ПМР № 3-ЗИ-VI от 10 января 2019 года ввиду следующего.

Пунктом 1 статьи 2.1 КоАП ПМР установлено, что административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом установлена административная ответственность.

В силу пунктов 1, 2 статьи 1.8 КоАП ПМР лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время и по месту совершения административного правонарушения. Закон, устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Пункт 1 статьи 9.5 КоАП ПМР в редакции Закона ПМР № 10-3-V от 21 января 2014 года предусматривал административную ответственность за строительство, реконструкцию без разрешения зданий и сооружений производственного и непроизводственного назначения, в том числе жилых зданий, их части, включая пристройки, надстройки, хозпостройки, а также объектов индивидуального строительства.

Законом ПМР № 3-ЗИ-VI от 10 января 2019 года, вступившим в силу 26 января 2019 года, пункт 1 статьи 9.5 КоАП ПМР изложен в новой редакции, которой установлена административная ответственность за неполучение соответствующего разрешения на строительство, реконструкцию зданий и сооружений производственного и непроизводственного назначения, в том числе жилых зданий, их частей, включая пристройки, надстройки, хозпостройки, а также объектов индивидуального строительства, когда такое разрешение требуется в соответствии с действующим законодательством Приднестровской Молдавской Республики.

Моментом начала и окончания совершения административного правонарушения, выразившегося в неполучении соответствующего разрешения на строительство, реконструкцию зданий и сооружений, следует считать день начала строительства, реконструкции.

Так, из материалов дела видно, что обстоятельства, послужившие основанием для составления протокола об административном правонарушении в отношении Б.С.В., имели место в 2007 году, то есть до изложения в новой редакции пункта 1 статьи 9.5 КоАП ПМР.

Таким образом, поскольку объекты были возведены в 2007 году, а также учитывая, что законодателем не была придана обратная сила закону ПМР № 3-ЗИ-VI от 10 января 2019 года, привлечение Б.С.В. к административной ответственности по пункту 1 статьи 9.5 КоАП ПМР в редакции Закона ПМР № 3-ЗИ-VI от 10 января 2019 года недопустимо. Следовательно, событие административного правонарушения, предусмотренного пунктом 1 статьи 9.5 КоАП ПМР, отсутствует.

Постановление судьи отменено, производство по делу прекращено на основании подпункта а) статьи 24.5 КоАП ПМР в связи с отсутствием события административного правонарушения

3а-32/2019